

Альбомы Евгении Ивановны

НОВАЯ СТРАНИЧКА ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ПЕВЦА

ПОЙДЕМ к Евгении Ивановне посмотреть альбомы, — предложила однажды моя приятельница.

И вот мы сидим в чистенькой комнате, рассматриваем альбомы. Альбомов у Евгении Ивановны Клейнгаус много: в одних — стихи, в других — фотографии. До чего интересно рассматривать виды старой Вятки!

— Муж мой увлекался фотографией, — рассказывает хозяйка. — В годы нашей молодости это было большой новинкой. Вот Маринская гимназия. Здесь я когда-то училась. А вот здесь запечатлено торжественное открытие дома инвалидов.

— А это что за деревянное здание?

— Наш городской театр. Вот каким неказистым он был раньше.

Еще и еще фотографии. Улицы Вятки, дома низенькие, подслеповатые. Две барыни едут на извозчике. Мальчишки загляделись на круглую афишную тумбу.

— А это я сама в детстве. Это наши родственники.

Неожиданно мое внимание привлекла одна фотография. Молодой человек в круглой шляпе сидит в резном деревянном кресле. У него крупный нос, светлые глаза, белокурые волосы. Но до чего же знакомо это лицо, этот гордый, уверенный взгляд! Неужели...

— Да, это Федор Иванович Шалапин, — спокойно подтверждает Евгения Ивановна.

— Как же попала к вам эта фотография? Да вот, оказывается, еще и надпись на ней есть: «На добрую память тете моей от Федора Шалапина. 7/IX—900 г. Москва».

— А она была подарена моей матери. Ведь мать моя Федору Ивановичу тетей приходится. А мне он двоюродный брат.

Читатель поймет, с каким интересом была выслушана эта новость! Великий певец, оказывается, близкий родственник этой маленькой скромной старушки!

В этот вечер мы уже больше не рассматривали альбомы. Хозяйка рассказывала нам о Шалапине.

Евгения Ивановна предупредила нас:

— С Федей мне довелось встречаться редко. Я была более дружна с его младшим братом, Васей. Так что не взъежите: многого о Феде я рассказать не смогу.

Шалапины — наши родственники со стороны матери. Мамина старшая сестра Евдокия вышла замуж за писаря станového Ивана Васильевича Шалапина. Иван Васильевич был из крестьян, жил в Вожгалах. Почти самоучкой выучился грамоте и достиг довольно видного по тому времени положения — стал писарем. А мамина семья жила в деревне Дудинцы бывшей Куменской волости. Сюда-то, в Дудинцы, и приехал сватать Дуню Иван Васильевич.

Молодые стали жить в Вожгалах. Через год становой пристав был переведен в Казань и потянул за собой Ивана Васильевича. Здесь вскоре и родился Федя.

В Казани семья Шалапиных жила очень бедно. Иван Васильевич пристрастился к вину. Тете Дуне приходилось заниматься стиркой чужого белья. Федя учился в школе и пел в церковном хоре. Его заработок — рубль-два в месяц был большим подспорьем для семьи.

Моя мать вышла замуж за служащего вятского кустарного склада Ивана Ивановича Моралева. Он часто ездил по торговым делам в Нижний Новгород. Брал иногда с собой маму, а когда я подросла — и меня.

Мне тогда было лет 8—10, училась я в начальной школе, а Федя, несмотря на свою молодость (ему было немногим более 20 лет), стал уже знаменитым певцом. Я всегда с большой теплотой и радостью вспоминаю встречи с ним. Знакомства с Шалапиным искали большие, прославленные люди, но он никогда не чурался нас, своих бедных родственников. Всегда приглашал в театр и был очень внимателен к нам. Бывало, вызовет администратора и попросит: «Это мои родственники. Устройте их получше».

Очень запомнился мне такой случай. Приехали мы в Нижний летом 1896 года. В то время там как раз проходила большая промышленная выставка и ярмарка. Город был переполнен богатой публикой. Приходим к Феде в театр. Ни одного свободного места, люди стоят в проходах. Мой отец говорит Феде: «Ничего не поделаешь, придем тебя слушать в другой раз». А он нас все-таки не отпустил. Разузнал, что губернаторская ложа будет свободна, и велел нас туда отвести. Мы оробели, но пришлось подчиниться. Зашли в ложу — и сейчас же все бинокли на нас направились. Очевидно, публика решила, что приехало губернаторское семейство. А

тут — мы. По залу сразу недоуменный шепот прошел. И не мудрено: одеты мы были неказисто.

В Нижнем я несколько раз бывала и за кулисами, в артистической уборной Феде. Однажды, помню, постучались, сказали, что пришла в театр какая-то женщина, предлагает купить боярскую одежду. Многие знали об увлечении Феде подлинными старинными вещами. Принесли узел. Федя посмотрел: ничего подходящего нет. Выбрал красивые серьги и сказал мне: «На, носи, сестренка!» Этот подарок у меня до сих пор хранится.

К великому для меня сожалению, вскоре отца перестали посылать в Нижний, и я больше не виделась с Федей.

В 1911 году у нас гостил брат Федора Ивановича, Вася. Федя помог ему получить образование (Вася был фельдшером). Братья очень дружили, были вместе в Италии. Вот Васина фотокарточка. Как видите, он очень похож на Феде. Снимался Вася здесь, в Вятке. А вот здесь и я снята с ним.

«Большого удовольствия ты мне не доставишь, как если будешь хорошо учиться. Пусть эта карточка напомнит тебе об этом, милая сестра моя Енюша», — вот как подписал Вася Шалапин эту фотокарточку. Вася пожил у нас с полгода и уехал обратно в Москву, к Феде. Вскоре началась империалистическая война, Вася был призван в армию и погиб на фронте.

Вот, пожалуй, и все, что сохранилось у меня в памяти.

...Я смотрела на умное, хорошее лицо молодого Шалапина, и мне думалось: вот таким, молодым и сильным, запевал он в Киеве во время событий 1905 года «Дубинушку», и весь громадный зал подхватывал пророческие слова этой песни.

И еще вспоминались слова Горького о молодом Шалапине:

«Лично Шалапин — простой, милый парень, умница».

Б. ПОМОРЦЕВА.

